

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КАТЛИНСКАЯ Л. П.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ ОПИСАНИЯ В СИНХРОННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Выделение словообразования в самостоятельную лингвистическую дисциплину было обусловлено необходимостью теоретически осмыслить явления синхронного словообразования. Активность научной мысли в этой области стимулируется обилием языковых фактов, которые получают отражение, в частности, как неологизмы нашего времени в словарях новых слов. Такого рода словари создаются под естественным давлением языковой ситуации. Особенность этой ситуации в современном обществе — небывалая активизация процессов словопроизводства в языке.

Основной интерес исследователей синхронного словообразования сосредоточен сегодня на том, чтобы выработать достаточно строгую и непротиворечивую теорию описания этих процессов. Работы по этой проблеме, в частности в русистике, вряд ли возможно просто перечислить. Достаточно сказать, например, что только в последнем Обзоре по русскому словообразованию [1] представлены 224 названия работ, «знакомство с которыми авторы считают необходимым для специалиста» [1, с. 3].

Несмотря, однако, на многочисленность исследований в целом, по мнению авторов фундаментальных работ этого направления в русистике, проблема имеет «белые пятна» как в части вопросов, которые еще не поставлены, так и в части непротиворечивых решений ряда вопросов, давно поставленных и неоднократно дебатировавшихся [см. об этом 2—4].

Автор настоящей статьи ставит своей целью показать конструктивные возможности программно-целевого подхода при описании активных процессов в русском словообразовании.

Исследовательская задача при таком подходе решается с использованием метаязыковых понятий словообразовательного типа и словообразовательной модели. Определение этих понятий в статье отлучается от традиционно принятого (см. Грамматику-80), хотя положенное в основу их трактовки соотношение регулярности и продуктивности понимается в духе сложившейся традиции.

Из всех известных точек зрения на регулярность и продуктивность в лексико-грамматических системных взаимодействиях нашему собственному пониманию предмета больше всего соответствует взгляд, представленный в работах Д. Н. Шмелева и Н. Д. Арутюновой.

О регулярности как тенденции в лексических и словообразовательных отношениях Д. Н. Шмелев пишет, в частности, во Введении коллективной монографии, где описываются способы номинации в русском языке [5]. В изложенной здесь точке зрения понятие регулярности связывается с понятием «потенциальной данности» определенной формально-содержательной единицы словарного состава. Рассматривая процесс «обрастания» (с течением времени!) новообразованиями разряда существительных, обозначающих детенышей животных, Д. Н. Шмелев пишет: «Любое из подобных образований может оказаться для говорящего на русском языке „встреченным впервые“, но в то же время оно не вызывает, как правило, сомнений в своей правомерности, в том, что оно „потенциально дано“ в самом языке, несмотря на то, что практически почти не употребляется в речи» [5, с. 15]. Противопоставляя, таким образом, «потенциальную дан-

ность» регулярного производного слова в языке возможности его употребления в речи, Д. Н. Шмелев подходит, как нам кажется, к той естественной границе, где лексические характеристики регулярной производной единицы словарного состава исчерпываются. Дальше необходим переход в область формально-семантических характеристик собственно словообразования. Определяющим критерием таких характеристик служит продуктивность модели, по которой регулярно образуются новые слова, и именно понятие продуктивности оказывается стержневым в теоретической разработке проблем синхронного словообразования Н. Д. Арутюновой [6].

Усматривая в продуктивности конституирующий признак системы словообразования вообще, Н. Д. Арутюнова пишет: «Система может включать только продуктивные конструкции, образующие открытые ряды» [6, с. 33]. Для выявления объекта исследования в словообразовании признается необходимым разграничивать факты словообразования и морфемной структуры производного слова. Словообразование как наука «устанавливает системные отношения, регулирующие создание новых лексических единиц» [6, с. 41], при этом единственным объектом изучения в синхронном словообразовании должны считаться «типы, по которым моделируются новые слова» [6, с. 42].

Исходя из вышеизложенных принципов теоретического определения понятий регулярности и продуктивности, считаем целесообразным выделить на их основе категории словообразовательного типа и словообразовательной модели, которые, на наш взгляд, позволяют построить непротиворечивую и адекватную систему описания активных процессов словопроизводства.

Словообразовательный тип. Понятие словообразовательного типа обращено к лексической стороне словообразования. Оно отражает явления (и факты) словопроизводства со стороны их лексической, ономастологической и функциональной обусловленности. Опираясь на понятие словообразовательного типа, мы рассматриваем словообразование как динамический процесс пополнения словарного состава. Постоянным стимулом этого процесса служит потребность в новых наименованиях и в новых способах манифестации каких-либо значений. Эта потребность является естественным, имманентным свойством самого языка как функционирующей системы, способной «репрезентировать всю полноту познавательного содержания, добытого человеком в практической и теоретической деятельности» [7].

Вместе с тем в рамках словообразовательного типа могут быть описаны и объяснены с точки зрения причинных взаимодействий как регулярные способы манифестации вторичных (словообразовательных) значений, так и факты «выпадения» из регулярных рядов, поскольку сама регулярность/нерегулярность внутри словообразовательного типа предопределена лексическими взаимосвязями, характер которых применительно к конкретным словопроизводственным фактам может проявляться по-разному.

Сравнивая, например, словообразовательно и семантически однородные прилагательные *безрукий* (неумелый) и *бессердечный* (жестокый), мы фиксируем разницу во взаимодействии их словообразовательного значения с лексикой в ее системной организации. Так, значение слова *безрукий* оказывается соотносительным со связанным значением слова *руки* в идиоме *золотые (хорошие) руки*. Из этого следует, что словообразовательное значение производного слова находит соответствие в системных лексических связях и ими обусловлено. Регулярность этой связи в пределах словообразовательного типа поддерживается открытым рядом относительных прилагательных *безрукий* (в прямом номинативном значении), *безногий*, *безухий*, *безбилетный*, *безнарядный* и т. д. и закрытым рядом качественных прилагательных *беззубый* (тупой), *безусый* (слишком юный), *бескрылый* (лишенный творческой силы), представляющих непродуктивную словообразовательную модель (о моделях подробно будет сказано ниже). В отличие от *безрукий* прилагательное *бессердечный* в своем словообразовательном значении не обусловлено внутрисистемными лексическими свя-

зями (во фразеологизме *человек без сердца* мы имеем трансформ с тем же значением). Лексическая парадигма, представленная рядом синонимов *бессердечный — бездушный — жестокий — черствый — равнодушный* и соответствующим рядом антонимов *сердечный — душевный — мягкий — добрый — отзывчивый*, не находит отражения в регулярных словообразовательных взаимодействиях. Следовательно, *бессердечный* «выпадает» из ряда регулярных единиц данного словообразовательного типа, представляя собой словообразовательно изолированную идиоматичную единицу словарного состава с производной морфемной структурой. «Запрет» на включение такого рода производных в число регулярных единиц словообразовательного типа определяется в конечном счете «положением вещей» (см. об этом понятии далее). В данном конкретном случае это означает, что производное слово *бессердечный* в прямом номинативном значении лишено смысла.

Итак, одной из конституирующих характеристик словообразовательного типа в системе нашего описания служит регулярность. Объектом синхронного словообразования являются словообразовательные типы, характеризующиеся регулярностью соотношения словообразовательного значения производных с соответствующими лексическими значениями слов, связанных с вторичной (производной) единицей отношениями мотивации. Словообразовательным значением при этом считается то конкретное содержание, которое передается каждым производным словом, взятым в отдельности. Такое понимание, как нам представляется, вполне адекватно отражает содержательную сторону процессов словопроизводства. Каждое производное слово создается (образуется) для того, чтобы передавать соответствующее значение, т. е. именно словообразовательное значение служит стимулом словопроизводства в каждом конкретном случае.

Создаваемое в спонтанных условиях речевой деятельности слово в своем словообразовательном значении коррелирует с парой-моделью. Каждый акт словопроизводства реализуется как содержательное наполнение языковой конструкции, представленной в системе языка этой парой-моделью. Тогда «система языка в области словообразования складывается... из словообразовательных типов, включающих полную лингвистическую характеристику пары-модели» [6, с. 41]. Лингвистическая характеристика пары-модели извлекается путем обращения к отношениям мотивации.

Таким образом, второй конституирующей характеристикой словообразовательного типа служит понятие мотивации. Решая проблемы лексической семантики, Д. Н. Шмелев отмечает, что «при характеристике современного состава и структуры лексики проблема словообразования к а к процессу, естественно, вытесняется проблемой мотивированности различных лексических единиц... становится важным не то, как было образовано слово, а то, на какие связи указывает его словообразовательная форма и в какой мере она влияет на его применение в речи (разрядка наша.— К. Л.)» [8]. Иначе говоря, при описании процессов синхронного словообразования отношения мотивации, связывающие вторичные производные структуры с первичными по отношению к ним семантическими структурами, естественно вовлекаются в объект такого описания.

Словообразовательная модель. Мотивационные связи соотносительных вторичных и первичных структур мы рассматриваем как синтагматические отношения, регулярно реализуемые внутри пары-модели. Отношения производности между производящими и производными единицами внутри пары-модели рассматриваются как парадигматические отношения, регулярно реализуемые в пределах словообразовательного типа. Следовательно, словообразовательная модель является иерархически подчиненной по отношению к словообразовательному типу категорией описания: в один тип объединяется, как правило, несколько словообразовательных моделей.

Конституирующей характеристикой словообразовательной модели служат собственно словопроизводственные связи, представленные в границах каждой модели определенного вида дистрибуцией морфем. Таким

образом, понятие словообразовательной модели обращено к грамматической стороне словообразования. В рамках словообразовательной модели, характеризующейся с точки зрения ее продуктивности, описываются формально-семантические характеристики слов, которые вступают в отношения производности, грамматические правила выбора определенного словообразовательного форманта, а также правила варьирования такого форманта.

Какую цель преследует такой способ описания явлений синхронного словообразования? Во-первых, таким образом мы получаем возможность сделать основополагающим для характеристики наиболее активных в современном языке словообразовательных процессов принцип их ономастической обусловленности. Хорошо известный тезис Л. В. Шербы, касающийся вопроса о том, как можно делать новые слова, связывается при этом с установкой, которая определяет назначение всякой грамматики, — быть сборником правил речевого поведения. Оценка этих правил исходит из той задачи, которой они должны отвечать: «они должны руководить говорящими при составлении фраз в соответствии с теми мыслями, которые эти говорящие хотят выразить» [9]. Во-вторых, принятая методика анализа языкового материала позволяет выявить лексико-грамматические характеристики слов, являющихся потенциально мотивирующими в пределах типа и в границах модели.

Пользуясь охарактеризованными понятиями теоретического свойства, мы предприняли попытку решить конкретную задачу, которая состоит в том, чтобы сформулировать правила словопроизводства ономастической категории слов с общим значением глагола активного действия, производимого субъектом этого действия. Это значение рассматривается как семантически релевантная характеристика производных, детерминирующая данный словообразовательный тип. Правила выводятся на основании анализа языковых фактов, проведенного по соответствующей методике. Методика избирается в соответствии с тем, чтобы искомое правило отвечало требованию регулярности словообразовательных характеристик данной категории вторичных единиц словарного состава, что в свою очередь предопределяет перспективный характер действия правила. Последнее означает, что правилами должны быть предусмотрены открытые ряды для слов, перспективных как слова-мотиваты в данном словообразовательном типе, и для слов, представляющих собой мотивированные, вторичные по отношению к мотивирующим, структуры данного словообразовательного типа.

Предварительно сделаем оговорку, касающуюся введения в правила компонента, наиболее удачным названием для которого нам представляется «положение вещей» (или «положение дел»). Ограничиваясь здесь самой общей содержательной характеристикой названного понятия, сошлемся, однако, на практику включения этого фактора в систему лингвистического описания [см., например, 10].

Лингвистический статус названного фактора отличается от его логико-философского статуса. Для исследования и описания языковых явлений понятие «положение вещей» имеет смысл только как детерминант соответствующих семантических явлений и взаимодействий. При этом именно семантические характеристики служат критерием для выделения открытых рядов мотивирующих и мотивированных слов в словообразовательном типе. Семантика производных «задает» семантические характеристики слов-мотиватов, так как в семантической структуре словообразовательной модели слова-мотиваты — первичные по отношению к производным словесные знаки — выступают в функции ономастического ингредиента словообразовательного значения производных.

Таким образом, приходим к выводу, что значение словообразовательного типа предписывает выбор в качестве первичного знака такого имени, которому по положению вещей предписаны в лексической системе языка определенные связи (отношения), имеющие регулярный характер. Эти языковые связи отражают реальные, действительные связи и представлены в языковом сознании некоторым набором словосочетаний-клише.

Лексическое наполнение этих клише предписано денотатно-сигнификатными признаками ¹ слова-мотивата, получающими отражение в словарном толковании производного слова.

Значение словообразовательного типа — активно действовать как субъект действия — отражает регулярные отношения семантической корреляции между субъектом и действием, предписанным этому субъекту по свойству его денотатно-сигнификатных характеристик: в СУ ² — Токарь... Рабочий, мастер, занимающийся токарным делом. Токарничать... Заниматься токарным делом, быть токарем. Учитель... 1. (...) Липо, занимающаяся преподаванием какого-либо предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник. Учителствовать... Быть учителем (см. учитель в 1 знач.). Ленивый... Тот, кто постоянно ленится, кто неохотно, лениво работает, лодыр. Ленивайничать... Бездельничать, вести себя лентяем. Егоза... Вертлявый, подвижной, беспокойный человек. Егозить.. 1. Вести себя суетливо, беспокойно; быть слишком подвижным, резвым. Нетрудно видеть, что все приведенные дефиниции производных глаголов соответствуют одной семантической схеме, по которой «ознается» значение вторичной единицы: активно действовать как субъект действия (деятельности) в соответствии с тем, что предписано положением вещей в качестве такого действия данному субъекту. Отраженные в толкованиях модификации, а точнее, детализации общего значения словообразовательного типа оказываются необходимыми только на метаязыковом уровне, т. е. при о п и с а н и и значения производного слова, но не при его с о з д а н и и.

В самом деле, если директорствовать СУ толкует как «занимать пост директора»; донкихотствовать — «вести себя по-донкихотски»; крестьянствовать — «заниматься земледелием, крестьянским трудом»; двуручничать — «поступать двуручнически»; плотничать — «быть плотником, заниматься плотничными работами»; батрачить — «работать в качестве батрака...», то из толкований следует только, что в каждом конкретном случае составители описывают значение мотивированного слова, опираясь непосредственно на лексические системные связи мотивирующего слова, на его денотатно-сигнификатные признаки. Характер вышеприведенных дефиниций обусловлен тем фактом, что слово *директор*, например, называет должность, *донкихот* и *двуручник* — оценочный тип человеческой личности, а *плотник*, *крестьянин* и *батрак* называют лицо, трудовые функции которого обладают определенной спецификой. Все эти особенности лексических единиц, мотивирующих значение производных глаголов, оказываются нерелевантными на словообразовательном уровне. Стимулом акта словопроизводства для всех производных рассматриваемого типа служит номинативно актуальная «идея» (по Л. В. Щербе, мысль, которую говорящие хотят выразить) названного выше типового значения: активно действовать как субъект этого действия (деятельности).

На грамматическом уровне словопроизводства данных глаголов действует также одно формальное правило, которое мы назвали п р а в и л о м с л о в о о б р а з о в а т е л ь н о й ц е п о ч к и. Оно заключается в том, что при выборе словообразовательного форманта, т. е. в парадигматических связях словообразовательного типа, обнаруживается взаимозависимость производных одного словообразовательного гнезда. Эта

¹ Обращаясь к понятиям денотата и сигнификата, мы следуем концепции Ю. С. Степанова, который в денотатно-сигнификатных связях видит системообразующий фактор лексики языка. Лингвистический статус денотата и сигнификата выводится из противопоставленности этих категорий в языковой действительности. В соотношении обозначаемое → обозначающее денотат — это предмет обозначения, о п о з н а в а т е л ь н о е отражение предмета (или класса предметов) в сознании; сигнификат — это понятие, представляющее собой отражение в сознании места и функции и обозначаемого в отношениях и связях реальной действительности (положения вещей). См. о денотате и сигнификате [11].

² Здесь и далее мы пользуемся общепринятыми условными обозначениями словарей русского языка: Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова (СУ); Словарь современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти томах (БАС); Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах (МАС); С. И. Ожегов, Словарь русского языка (СО).

зависимость проявляется таким образом, что формант, однажды реализованный в производном гнезда, воспроизводится в другом производном, связанном с первым по принципу словообразовательной цепочки. При этом направление производности для описания процессов синхронного словообразования несущественно, поскольку регулярность правил предопределяет «потенциальную данность» любого производного слова, предусмотренного продуктивной моделью, в то время как факт его использования в речи связан с условиями номинативной актуализации передаваемого этим словом значения. Собственно, наличие или отсутствие регулярного производного, как принято говорить, в я з ы к е, означает только наличие или отсутствие условий такой актуализации в р е ч и. Именно эти условия определяют и регулируют заполнение лексическим содержанием словообразовательной пары-модели в составе регулярного словообразовательного типа.

Правило словообразовательной цепочки как рабочая категория охватывает явления, которые в теории словообразования принято называть валожением.

Предлагаемые в статье правила регулярного словопроизводства отменных глаголов с аффиксами *-ствовать*, *-ничать*, *-ить* выведены на основании анализа лексико-грамматических взаимодействий, выявленных путем сопоставления массивов глагольных слов, взятых по Обратному словарю русского языка [12]. Материалом для анализа послужили только те глаголы, которые помечены в [12] как встретившиеся в словнике всех словарей-источников. Такое ограничение продиктовано, с одной стороны, физической необходимостью, а с другой — кажется достаточно корректным для решения нашей задачи, так как всеми словарями фиксируются обычно наиболее употребительные слова, т. е. активно функционирующие.

Описание самого анализа в журнальной статье не производится, что, возможно, идет в ущерб убедительности сделанных на его основании выводов. Во всяком случае необходимо специально сказать, что именно в ходе анализа мы пришли к двум решениям, которые представляются принципиальными в рамках принятой методики научного описания.

Во-первых, оказалось объективно необходимым на основании аналогии в отношениях производности и однотипности отношений мотивации объединить в один словообразовательный тип в виде двух его подтипов отсубъектные и «отобъектные» глаголы («объект» при этом понимается широко — любое имя неличной семантики). Во-вторых, для отобъектных глаголов на *-ить* обнаружилась нерелевантность на словообразовательном уровне видовых противопоставлений: видовое размежевание глаголов *пилить*, *бурить*, *золотить* и т. п., и *заземлить*, *зашторить*, *облагородить* и т. п. определяется положением вещей, по причине которого называемому глагольным словом действию предписывается доминирующий признак результативности/нерезультативности. Грамматической приметой этого языкового факта служит наличие вторичного имперфектива у глаголов совершенного вида: *заземлять*, *зашторивать*, *облагораживать*.

Правила словопроизводства отменных глаголов активного действия, содержательно соотносенных с субъектно-объектными отношениями в лексических связях субъекта действия.

1. Состав потенциальных вторичных единиц данной семантической структуры формируется воздействием фактора номинативной актуализации значения словообразовательного типа: активно действовать в соответствии с тем, что предписано положением вещей субъекту данного действия. Это значение передается как предписанное данному субъекту, именем которого мотивировано производное глагольное слово (1); как предписанное любому субъекту, активно действующему в соответствии с тем, какой признак данного действия отражен в имени, мотивирующем производное глагольное слово (2).

2. Состав потенциальных слов-мотиватов, которым положение вещей

предписывает регулярные словопроизводственные связи для передачи значения словообразовательного типа, представлен: (1) именами лиц (или шире — деятелей) а) по характеру профессиональной деятельности (актер, слесарь, учитель, шахтер); б) по характеру общественно-социальной функции лица или деятеля (председатель, президент, союзник, чемпион); в) по оценочной характеристике типа личности (бездельник, дармоед, донкихот, лентяй); (2) именами существительными и прилагательными, лексическое значение которых может выражать понятие действия или признака действия.

3. Отношения производности, предписанные грамматическими правилами для передачи значения словообразовательного типа, реализуются в трех словообразовательных моделях.

А. Путем присоединения к производящей основе аффикса *-ствовать*. Данное словообразовательное средство выбирается при том условии, если в словообразовательном гнезде с вершинным словом-мотивом (1) и (2) есть соотносительное имя существительное с суффиксом *-ств-* и/или относительное прилагательное с суффиксом *-ск-*: актер — актерский — актерство — актерствовать, сумасброд — сумасбродство — сумасбродствовать, бесчинство — бесчинствовать, хозяйство — хозяйский — хозяйствовать. Модель продуктивная. Сфера преимущественного функционирования образованных по этой модели глагольных слов — художественно-публицистический стиль речи. В публицистике номинативно актуальны причастные формы таких глаголов, мотивированных оценочным именем лица и используемых в пейоративном смысле: *фашиствующий, хулиганствующий*.

Б. Путем присоединения к производящей основе аффикса *-ничать*. По условиям выбора данного словообразовательного средства выделяются два подвида модели.

Подвид Б₁. Для производных, мотивированных нейтральными по значению наименованиями профессий или вообще регулярной деятельности, условием выбора служит наличие в словообразовательном гнезде относительного прилагательного с суффиксом *-н-* и/или суффикса *-ник* в мотивирующем имени: бочар — бочарный — бочарничать, маляр — малярный — малярничать, огородник — огородный — огородничать, посредник — посредничать, ремесленник — ремесленный — ремесленничать, сапожник — сапожный — сапожничать.

Подвид Б₂. Для большинства производных, мотивированных именами лиц по оценочной характеристике типа личности, действует то же формальное правило. По узуальным правилам этот подвид закреплен за словопроизводством глагольных слов с пейоративным оттенком значения: *бездельник — бездельничать, мошенник — мошенничать, шаромыга — (шаромыжник) — шаромыжничать*. То же узуальное правило регулирует словопроизводство от слов-мотивов (2) в границах модели. В функции таких мотивов выступают качественные прилагательные, лексическое значение которых может выражать понятие признака действия: *великодушничать, деликатничать, откровенничать*. Значение таких глаголов формируется с нарушением регулярных отношений мотивации, поскольку глаголы имеют оттенок пейоративности, отсутствующий в значении мотивирующих прилагательных. При образовании глагольных слов по модели Б доминирующая роль принадлежит узуальному правилу, что ограничивает продуктивность модели. Сфера преимущественного функционирования образованных по этой модели слов — разговорно-экспрессивный стиль речи.

В. Путем присоединения к производящей основе аффикса *-ить*. По условиям выбора данного словообразовательного средства выделяются два подвида модели.

Подвид В₁. В качестве потенциальных слов-мотивов, вступающих в отношения производности, предусмотренные данной моделью как единственной, функционирует небольшая группа слов — имена общего рода по оценочной характеристике типа личности с ударной флексией *-а*: *егоза — егозить, юля — юлить*.

Подвид В₂. Для производных, мотивированных именами лиц (1) как нейтральными, так и оценочными, условием выбора модели В служит акцент на последнем слоге производящей основы, реализованной в производных словообразовательного гнезда. При условии соблюдения правила словообразовательной цепочки модель В вариативна в таких случаях моделям А и Б: *бродяга — бродяжий — бродяжничать — бродяжить, знахарь — знахарство — знахарствовать — знахарить, слесарь — слесарный — слесарничать — слесарить, но заер — зберство — зберствовать — зберничать*. Словообразовательным запретом на выбор модели В служит наличие в мотивирующем имени суффикса *-ник*.

Для производных, мотивированных именами неличной семантики (2), словообразовательно релевантными являются акцентные характеристики мотивирующих имен. От основ имен существительных женского и среднего рода с ударной флексией и односложных имен существительных мужского рода образуется глагольное слово с ударным аффиксом: *бороздить, бурить, воцить, графить, клеймить, косить, пилить, роить, сверлить*. Глагольное слово с безударным аффиксом образуется от основ имен существительных другой акцентной характеристики, которая воспроизводится в глагольном слове: *барабанить, буравить, лопатить, канифоблить, красить, крахмалить, маслить, мотыжить, мусорить, сахарить*.

По правилам подвида В₂ образуются производные глаголы, мотивируемые для которых служат качественные прилагательные: *белишь, грязнить, картавить, фальшивить*. При этом для основ от двусложных прилагательных выбирается ударный аффикс, для основ от прилагательных с количеством слогов более двух место акцента в производном сохраняется: *темнить, чернить, но лакомить* (кормить лакомым), *издырывать, продырявить* (сделать дырявым), *осчастливить, равнообразить*.

Продуктивность подвида В₁ ограничена замкнутостью лексического состава мотивирующих слов. Подвид В₂ продуктивен. Сфера преимущественного функционирования образованных по модели В слов — профессионально-арголический и разговорно-экспрессивный стили речи.

4. Место акцента в производном как один из компонентов регулярных правил словопроизводства потенциально данных в границах словообразовательного типа и в рамках словообразовательной модели вторичных единиц словарного состава предусматривает следующее: общим правилом для производных типа является сохранение места акцента на основе, отсылающей к значению мотивирующего слова. По этому правилу акцентируются производные по моделям А и Б. Акцентные особенности имеют производные по модели В (см. выше).

5. Выбор словообразовательного форманта, нерегулярного в рамках модели, предписывает правило словообразовательной цепочки. Так, например, аффикс *-овать* вместо регулярного для продуктивной модели В аффикса *-ить* в глаголах *шпаклевать* (*шпатлевать* — ВАС), *тушевать* предопределен наличием в словообразовательном гнезде производных *шпаклевка* (замазка), *тушевка* (штрихи); выбор того же аффикса в глаголах *жежевать, скирдовать, стоговать* (при *грабить, копнить*) — наличием в словообразовательном гнезде относительных прилагательных *жежевой, скирдовой* (*скирдоправ* — СУ), *стоговой* (*стоговище, стогометатель* — СУ). Ср.: «Всю зиму буртовал трактором органические удобрения...» (Правда, 1983, 13 сент.) и зафиксированные только в МАС *бурт, буртование*.

6. Варьирование словообразовательных моделей в пределах типа регулируется двумя факторами. Первый — отсутствие словообразовательного запрета на выбор модели. Этот фактор является релевантным для регулярных словопроизводственных отношений. Так, например, при наличии в словообразовательном гнезде имени действия на *-ство* и/или относительного прилагательного с суффиксом *-ск-* всегда возможен глагол по модели А: *подхалимничать* (*подхалимствовать*), *скопидомничать* (*скопидомствовать*), *фашиствовать* (зафиксирован в ВАС). Для основ, соотносящихся с именами личной семантики без финального форманта *-ник* в модели Б, возможна модель В: *дебоширничать* (*дебоширить*), *пекарничать* (*пекарить*), *скорняжничать* (*скорняжить*), *маллярничать*

(*маларить*). Второй фактор отражает действие узувального правила, которое определяет условия функционирования производных глаголов в разных стилях речи, т. е. правила стилистического, но не грамматического.

П р и м е ч а н и я. 1. Функциональная закреплённость глагольных слов, образованных по продуктивным моделям, т. е. по регулярным правилам словопроизводства, обусловлена закреплённостью за определённой речевой сферой мотивирующих слов. 2. Правила словопроизводства глагольных слов с типовым значением активно действовать как субъект этого действия не предусматривают ограничений в зависимости от видовой характеристики глагольного слова. Размежевание по видам при словопроизводстве регулируется положением вещей, в соответствии с которым именуемому действию предписывается признак результативности/нерезультативности. Закономерности выбора приставок в перфективных глаголах данного словообразовательного типа настоящими правилами не охватываются. 3. Номинативная актуализация значения словообразовательного типа предусматривает возможность приписывать называемое глагольным словом действие также нелицу, выступающему как субъект действия (см. примеры ниже).

Чтобы иллюстрировать конструктивные возможности выведенных правил в перспективном плане, можно было бы привести множество примеров, однако в силу особой целенаправленности предлагаемого в статье описания это множество само по себе вряд ли существенно для иллюстрации, коль скоро оно представляет открытый ряд языковых единиц. Поэтому мы ограничимся только несколькими примерами, полагая, впрочем, что зафиксированные в новых словарных материалах [13—16] производные типа *бандитствующий*, *бригадирствовать*, *заякорить*, *калымить*, *левачить* и др. под. (всего по нашим подсчетам 25 глагольных слов) достаточно убедительны как свидетельство «динамичности» описанных правил. В дополнение к новым словарным фиксациям можно привести соответствующие производные (также не представленные в «старых» словарях) как из классической литературы, так и из современной.

«Когда старик бывал рад, то всегда начинал *экспансивничать*...» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). «Штабс-капитан ужасно *лисил* перед Колей» (там же). У Л. Н. Толстого в рассказе «Рубка леса» как один из главных типов солдат выделяются *начальствующие*, «*Начальствующие* подразделяются на: а) *начальствующие* суровых и в) *начальствующие* политических». «Оттого Шура зол, что никому втолковать не может: „Поверьте до конца!“ И на Мигулина сердит потому, что тот *бешенствует* и себе вредит...» (Ю. Трифонов, Старик); «При этом мужа *рогатит* почем зря, свекровь глубочайшим образом презирает...» (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); «Солнце снова выглянуло из-за облаков и засверкало в слитках сотов, дробясь в темно-коричневых и *опрозрачивая* янтарные» (Ф. Искандер, Бригадир Кязым); «Дома меня не считают за игрока, здесь же я *чемпионил*, показывал как резать, крутить...» (Д. Гранин, Неожиданное утро); «Вчера часов в восемь — шоферы уже спали в машинах — какая-то компания у ограды *гитарила*...» (Вл. Комиссаров, Старые долги); «Тучи *стадились* всю ночь, клубились и урчали...» (В. Липатов, Игорь Саввович); «Он (лед) ломался, *торосился*, льдины лезли одна на другую...» (Ю. Семенов, Он убил меня под Луанг-Прабангом); «В опустевшем зале мы *итожим* события двух гимнастических дней, со старшим тренером Ларисой Латыниной» (Комс. правда, 1971, 13 сент.). Ср. в связи с последним примером то же слово, известное как окказионализм Маяковского: «Когда я *итожу* то, что прожил...» (В. Маяковский, Владимир Ильич Ленин).

Распространению производных модели Б и В в профессионально-арго-тической и в устной речи вообще протезирует их экспрессивность, ср.: *слесарить*, *шахтерить*, *шоферить* (*шофёрить*). Образуются также производные естественно и свободно. В устной речи мы зафиксировали, например, слова *обормотничать*, *идиотничать*, *затейничать* (быть затейником). В телепередаче «Спутник кинозрителя» (1983, 10 сент.) о герое

к/ф «Талисман» его соученики говорят: «Он соглашается *талисманичить*». Это значит, что, объявив себя живым талисманом, герой соглашается действовать соответствующим образом — сопровождать жаждущих его волшебной силы в их поисках удачи и счастья.

Кроме того, в системе нашего описания доказательной силой обладают также определенного рода словарные материалы. Такие, скажем, как «судьба» глагола *беспронизорничать*. Зафиксированный в СО как актуальный в определенный период жизни нашей страны, сегодня он пополнил состав историзмов в лексике русского языка. Или, например, фиксация в том же словаре словообразовательно соотношенной пары *шабашник* → → *шабашничать* с новым значением мотивирующего имени: «тот, кто заключает частные сделки по высоким ценам на строительные, ремонтные и др. работы».

Итак, в соответствии с поставленным в названии статьи вопросом, общий вывод сводится к следующему. Программно-целевой подход при исследовании и описании активных процессов словообразования отвечает требованию адекватности, если в качестве рабочих категорий описания использовать три метаязыковых понятия: словообразовательный тип, словообразовательная модель и правило словообразовательной цепочки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974—1977 гг. Словообразование. Материалы для обсуждения. М., 1982.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
3. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.
4. Улуганов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
5. Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
6. Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1971.
7. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 13—14.
8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 26.
9. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. — В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 47—48.
10. Семантические типы предикатов. Гл. 1. М., 1982.
11. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семантикологическая грамматика. М., 1981.
12. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
13. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Котеловой Н. З. и Сорокина Ю. С. М., 1971.
14. Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. Под ред. Котеловой Н. З. М., 1980.
15. Новое в русской лексике. Словарные материалы-78. Под ред. Котеловой Н. З. М., 1981.
16. Новое в русской лексике. Словарные материалы-79. Под ред. Котеловой Н. З. М., 1982.